

СТАРЫЕ БОГИ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Левона Шанта.

Съ армянскаго.

Когда, въ 1913 году, на тифлисской сценѣ впервые поставлена была драма Шанта ¹⁾ „Старые боги“, написанная за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, но остававшаяся неизвѣстною публикѣ, репертуаръ армянскаго театра обогатился, дѣйствительно, яркою, интересною пьесою. Совершенно исключительный успѣхъ, вынавший ей на долю, выразился не только въ восторженныхъ оваціяхъ зрительнаго зала, въ повторныхъ представленіяхъ, въ постановкѣ пьесы на другихъ сценахъ, въ хвалебныхъ отзывахъ, появившихся на столбцахъ различныхъ органовъ печати. Драма Шанта вызвала къ жизни цѣлую литературу критическихъ статей и брошюръ, посвященныхъ какъ самой пьесѣ, такъ и ея автору, выяснявшихъ художественныя достоинства, идейную сторону и символизмъ „Старыхъ боговъ“. Въ томъ же Тифлисѣ, затѣмъ—въ Баку, Эривани, Карсѣ, Александрополѣ, Эчмиадзинѣ прочитаны были публичныя лекціи о пьесѣ Шанта, а также организованы были диспуты и литературныя собесѣдованія, въ которыхъ приняли участіе литераторы, публицисты, доктора, духовныя лица, адвокаты и т. д. Авторъ „Старыхъ боговъ“, начавшій свою литературную дѣятельность за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, сразу сталъ знаменитостью; на его раннія вещи, относящіяся еще къ 90-мъ годамъ минувшаго вѣка, сталъ замѣчаться усиленный спросъ,—и черезъ нѣсколько времени нѣкоторыхъ изъ нихъ уже нельзя было найти въ книжныхъ магазинахъ, тогда какъ раньше онѣ не были достаточно оцѣнены читающею публикою. Наконецъ, тогда же въ печать проникли слухи о предстоящемъ переводѣ драмы на русскій языкъ и объ ея постановкѣ на русской сценѣ.

Чѣмъ же объясняется небывалый успѣхъ, выпавшій на долю „Старыхъ боговъ“? Несомнѣнно, въ значительной степени—яркимъ даро-

¹⁾ Псевдонимъ Л. Сегбосьяна (Шантъ = „громъ“, „молнія“).

ваніемъ, какое обнаружилъ въ этой пьесѣ авторъ, но, во всякомъ случаѣ,—не только эпимъ! Тайна успѣха до извѣстной степени крылась и въ томъ, что раньше не было въ армянской драматической литературѣ произведеній, написанныхъ въ такомъ жанрѣ. Драма является вообще однимъ изъ менѣе обширныхъ и богатыхъ выдающимися именами отдѣловъ новой армянской словесности. Отдѣлы лирической поэзіи, романа и повѣсти представлены гораздо большимъ количествомъ писателей и произведеній и отличаются, сравнительно, большею самобытностью. О характерѣ творчества армянскихъ поэтовъ могутъ теперь судить и русскіе читатели, болѣе или менѣе слѣдящіе за переводною словесностью. Около 150 стихотвореній переведено съ армянскаго на русскій; существуетъ даже нѣсколько антологій, какъ болѣе общаго характера, такъ и посвященныхъ отдѣльнымъ поэтамъ. Имена Патканьяна, Шахъ-Азиза, Исаакьяна, Ованнисяна и нѣкоторыхъ другихъ, популярныя въ армянскомъ мірѣ, уже не являются въ наши дни пустымъ звукомъ и для нѣкоторыхъ категорій русскіхъ читателей, знакомыхъ съ переводами Бальмонта, Бунина, Чюмной, Бѣлоусова, Галиной, Ап. Коринфскаго, Гриневской, Головачевскаго, Уманца и другихъ.¹⁾ Совершенно такъ же оцѣнены были по достоинству и нѣкоторыя вещи армянскихъ *прозаиковъ*, — романетовъ или авторовъ мелкихъ рассказовъ и повѣстей. Болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ переведены были порусски первые образцы ихъ творчества, знакомившіе съ своеобразными бытовыми условіями, очень часто отражавшіе трагическую участь турецкихъ армянъ, которые принуждены были выносить ужасы турецкаго режима, трепетать за свою національность, религію, общечеловѣческія права, собственность, семейный очагъ. Потомъ дошла очередь и до творчества такихъ писателей, которые больше вниманія удѣлили психологии героев и художественной сторонѣ, тогда какъ раньше на первомъ планѣ была тенденція. Отдѣльныя произведенія Раффи, Папазяна, Агароньяна теперь включены даже въ составъ одной изъ серій популярныхъ, общедоступныхъ книжекъ; въ Москвѣ предпринято было изданіе главныхъ сочиненій талантливаго беллетриста Ширванзада въ русскомъ переводѣ. Такихъ примѣровъ можно было бы еще привести немало.

Драматическая литература развивалась у армянъ менѣе интенсивно и, въ общемъ, находилась всегда на второмъ планѣ. Но и то, что было, сравнительно, болѣе выдающагося въ этой литературѣ, не предвѣщало появленія драмы Шанта и примыкало къ совершенно другимъ теченіямъ. Вначалѣ, впрочемъ, даже совсѣмъ не было оригинальныхъ

¹⁾ О новой армянской поэзіи—см. нашу статью „Армянская поэзія XIX вѣка и ея происхожденіе“ (*Русская Мысль*, 1901 г., кн. XII).

пъсь, вслѣдствіе чего ставились драмы и комедіи западно-европейскихъ, отчасти русскихъ авторовъ, въ армянскомъ переводѣ. Наряду съ корифеями общеевропейской драматической литературы, вродѣ Шекспира, Мольера, Шиллера и др., вниманіе переводчиковъ привлекли съ теченіемъ времени и другіе драматурги, вплоть до самоновѣйшихъ; можно назвать для примѣра Скриба, Франсуа Коппэ, Сарду, Онэ, Дюма сына, Ростана, Зудермана, Бьёрсона, Ибсена, Роветта и др. Въ переводныхъ пьесахъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ шекспировскихъ трагедіяхъ („Гамлетъ“, „Отелло“, „Король Лиръ“), выступалъ и величайшій армянскій артистъ Адамьянъ (ум. въ 1891 году), о которомъ сохранилась свѣтлая память не только въ армянскихъ, но и въ русскихъ артистическихъ кругахъ. 1) Уроженецъ Турціи, учившійся драматическому искусству, между прочимъ, въ Парижѣ, прекрасно знакомый съ европейскимъ театромъ, онъ много игралъ въ Закавказьѣ и коренной Россіи, выступалъ въ Москвѣ и Петроградѣ, преимущественно—въ роляхъ классическаго репертуара, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ (Кинъ, Уріэль Акоста, Коррадо). Но, если талантливый артистъ долженъ былъ останавливать свой выборъ на пьесахъ иностранныхъ авторовъ, это не значитъ, чтобы совѣмъ не было и тогда оригинальныхъ армянскихъ драмъ и комедій. Довольно рано, сравнительно, стали появляться, особенно у турецкихъ армянъ, трагедіи изъ національной исторіи,—довольно слабыя, однако, въ художественномъ отношеніи, имѣвшія успѣхъ только благодаря своей патріотической окраскѣ. Бытовая комедія развилась всего больше у населяющихъ Россію армянъ, выставившихъ нѣсколько талантливыхъ драматурговъ-бытовиковъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Габріэль Сундукьянъ. Этотъ писатель, расцвѣтъ дѣятельности котораго относится къ 60—70-мъ годамъ минувшаго столѣтія, подъ вліяніемъ Мольера, Гоголя, Островскаго (послѣдній былъ лично знакомъ съ нимъ и мечталъ поставить переводъ его лучшей пьесы на русской сценѣ) написалъ рядъ комедій изъ тифлисской жизни, яркихъ, остроумныхъ, выдержанныхъ въ строго-реалистическихъ тонахъ, обличающихъ темныя стороны общества, преимущественно буржуазіи, иногда выражающихъ сочувствіе трудящемуся народу и интеллигенціи. Наконецъ, въ повѣйшее время армянскій репертуаръ обогатился нѣсколькими произведеніями, въ которыхъ преобладаетъ психологическій анализъ или затрогиваются, какъ во французскихъ *pièces à thèse*, тѣ или другіе общіе вопросы, связанные, напримѣръ, съ современнымъ бракомъ, положеніемъ женщины въ семьѣ, проблемами чувства и страсти, супружескою невѣрностью, разводомъ.

1) Объ Адамьянѣ—см. статью П. М. Сундукьянина въ сборникѣ „Призывъ“ (въ пользу престарѣлыхъ артистовъ); воспоминанія Д. В. Гарина-Видягина въ сборникѣ „Братская помощь армянамъ“; некрологъ А. въ журналѣ *Артистъ* (1891 г., декабрь).

На фонѣ всѣхъ подобныхъ пьесъ, къ которымъ нужно еще присоединить обработку или инсценировку нѣкоторыхъ повѣствовательныхъ произведеній, еще ярче и рельефнѣе выдѣляется пьеса Шанта. Не то, чтобы у отдѣльных армянскихъ драматурговъ, хотя бы очень немногочисленныхъ, не было таланта и знанія сцены (комедіи Сундукьянца въ своемъ родѣ являются подчасъ маленькими шедеврами, къ сожалѣнію, съ трудомъ поддающимися переводу), но не существовало до сихъ поръ армянской оригинальной пьесы, которая по общему колориту и замыслу автора подходила бы къ „Старымъ богамъ“. Можно сказать больше: самъ авторъ, какъ драматургъ, не сразу нашелъ тотъ жанръ, который долженъ былъ доставить ему славу. До своей боевой пьесы онъ выступилъ еще съ двумя произведеніями, написанными для сцены, но обѣ эти вещи („Эготистъ“ и „На пути“), возсоздающія жизнь армянскихъ революціонеровъ, затрогивающія внутренній бытъ политическихъ кружковъ, провокацію и т. п., относятся къ совершенно другой категоріи, чѣмъ „Старые боги“. До извѣстной степени подготовила созданіе Шантомъ его лучшей пьесы, скорѣе предыдущая дѣятельность его какъ *беллетриста*, автора повѣстей и рассказовъ. Съ начала 90-хъ годовъ минувшаго вѣка и вплоть до нашихъ дней онъ создалъ рядъ беллетристическихъ произведеній, во многихъ отношеніяхъ любопытныхъ. Когда мы знакомимся съ такими его вещами, какъ „Дни грезъ“, „Поворотъ“, „Вержинъ“, „Пришлые“, мы прежде всего убѣждаемся въ справедливости взгляда, высказаннаго авторомъ одного изъ критическихъ этюдовъ о Шантѣ,—что послѣдній является всего болѣе пѣвцомъ и бытописателемъ армянской *интеллигенціи*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ указываетъ этотъ критикъ (Габр. Теръ-Рубиньянъ), у Шанта совершенно отсутствуютъ представители нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, но интеллигентская среда представлена докторами, учителями, художниками, учащимися, политическими и національными дѣятелями. Для русской публики, столь мало знакомой съ чаяніями, запросами и міросозерцаніемъ армянской интеллигенціи, повѣствовательныя произведенія автора „Старыхъ боговъ“ представляютъ въ этомъ случаѣ особый интересъ: вѣдь еще такъ недавно у насъ склонны были отождествлять весь армянскій народъ съ буржуазіей и торговымъ классомъ. Но повѣсти Шанта замѣчательны не въ одномъ только бытовомъ отношеніи: въ нихъ первостепенное мѣсто занимаетъ также психологическій анализъ, въ частности—изображеніе любви и страсти. Съ первой же своей вещи—поэмы „Дѣва горъ“, съ которою онъ дебютировалъ въ 1892 году на литературномъ поприщѣ,—Шантъ удѣлялъ особое вниманіе детальному, яркому и тонкому воспроизведенію малѣйшихъ оттѣнковъ молодого чувства, иногда жгучаго и страстнаго. Часть критики, правда, ставила ему въ вину это преобладаніе эротическихъ мотивовъ въ его творествѣ; по

поводу двухъ-трехъ раннихъ его вещей авторъ обширнаго труда, посвященнаго литературѣ русскихъ армянъ, Лео (псевдонимъ), счелъ даже возможнымъ провозгласить его эротоманомъ. Но несомнѣнно, что, изображая мѣръ чувства и страсти, Шантъ во многихъ случаяхъ обнаруживалъ безусловное дарованіе и психологическое чутье, еще болѣе отгнѣнявшееся его красивымъ, живымъ и образнымъ языкомъ. Если въ „Старыхъ богахъ“ такимъ чарующимъ и привлекательнымъ вышелъ образъ юной Седѣ, и такъ захватываютъ читателя и зрителя дышащія страстью и упоеніемъ рѣчи считавшаго себя умершимъ для міра юнаго инока, то именно въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ Шантъ впервые обнаружилъ умѣніе изображать правдиво и жизненно ощущенія и порывы объятаго страстнымъ волненіемъ сердца. Въ одномъ изъ его разсказовъ, изображающихъ современную армянскую дѣйствительность, а не то, что было „тысячу лѣтъ назадъ“—какъ въ пьесѣ, уже выведенъ былъ молодой человѣкъ, стремившійся сдѣлаться монахомъ не только изъ религіозныхъ, но также и изъ національных побужденій, чтобы стать ближе къ своему народу и принести ему больше пользы, и неожиданно поддающійся чарамъ любви, отказывающійся отъ своихъ плановъ, чувствующій вдругъ влеченіе ко всему „мірскому“, земному, сулящему радость, наслажденіе, личное счастье.

Но, какъ бы удачны ни были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прежнія вещи Шанты, въ какой бы связи ни находились пня изъ нихъ съ его драмою, послѣдняя все же по своимъ художественнымъ достоинствамъ стоитъ совершенно особнякомъ въ его творчествѣ, какъ и въ армянской драматической литературѣ вообще. Есть въ ней, конечно, и нѣкоторые недостатки, есть длинноты, извѣстные дефекты въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ, неясности въ чередованіи реального и фантастическаго элементовъ. Но достоинства пьесы заставляютъ забыть о подобныхъ недочетахъ. Въ драмѣ, конечно, мало національнаго элемента, она чисто внѣшнимъ образомъ приурочена къ извѣстной эпохѣ, средѣ и обстановкѣ, ея фабула могла бы съ такимъ же успѣхомъ развиваться и не въ древней Арменіи,—хотя въ одной любопытной книжкѣ, появившейся въ 1913 году (Григ. Теръ-Погосьянца), выяснено было, что многія детали въ „Старыхъ богахъ“—исторія сооруженія храма, личность княгини, отдѣльныя черты характера игумена и молодого инока, судьба отшельника, съ его мрачнымъ разсказомъ о „ямѣ суеты“,—все это заимствовано было изъ *подлинной*, отразившейся въ литературныхъ памятникахъ, армянской дѣйствительности IX вѣка!

Самое интересное и яркое въ пьесѣ—не эти историческіе отголоски, не общая канва сюжета, а причудливое соединеніе реализма и фантастики, глубина идейной стороны, сказывающійся даже въ мелкихъ деталяхъ символизмъ. Странно было бы отрицать, что, создавая свою драму,

Шантъ находился подъ вліяніемъ западно-европейскихъ драматурговъ, что въ исторіи игумена есть отголоски ибсеновскаго „Бранда“, что мысль—сопоставить два міра, язычество и христіанство, разсматриваемыя не только какъ двѣ религіи, но и какъ два различныхъ этическихъ кодекса—также могла быть внушена европейскими образцами. Но, при всемъ этомъ вліяніи, талантъ автора все же достаточно опредѣленно и своеобразно проявляется въ драмѣ, которую смѣло можно отнести къ категоріи боевыхъ и „составляющихъ эпоху“ въ исторіи данной литературы. Если въ „Старыхъ богахъ“ есть немало мѣстъ необыкновенно благодарныхъ для сценическаго исполненія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, это—одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя будятъ работу мысли и совѣсти, затрогиваютъ никогда не утрачивающія интереса нравственныя проблемы.

Юрій Веселовскій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Игумень.

Инокъ.

Слѣпой.

Монахи: **Антонъ, Адамъ, Закарья, Лазарь, Давидъ, Мовсесъ, Симонъ, Старый, Молодой** и др.

Первый псаломщикъ.

Второй псаломщикъ.

Третій псаломщикъ.

Четвертый псаломщикъ.

Неизвѣстный въ бѣломъ.

Мастеръ.

Каменщикъ.

Дьяконъ.

Отшельникъ.

Князь.

Княгиня, его сестра.

Седа, его дочь.

Старуха Егиса.

Управитель.

Служанка.

Жрецъ.

Морскія пѣнки: 1-ая, 2-ая, 3-ая, 4-ая, 5-ая, 6-ая и др.

Вѣтерки: 1-ый, 2-ой, 3-ій, 4-ый и т. д.

Волны: 1-ая, 2-ая, 3-ья, 4-ая, 5-ая и т. д.

Жрецы, жрицы, дѣвушки, воины, оруженосцы и др.

Юноша, старикъ, пожилой воинъ, толстый воинъ.

Дѣйствіе происходитъ тысячу лѣтъ тому назадъ.